

Любинко Раденкович
Институт балканистики САНИ,
Белград

ОПАСНОЕ ВРЕМЯ В НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЛАВЯН

Абстракт: В традиционной культуре славян время воспринимается как живое существо. Оно закономерно истекает, как вода из источника, наполняет пространство и по уже установленному пути исчезает. Поскольку вода может быть прозрачной или мутной, медленной или быстрой, полезной или вредной для человека, время также наделяется определенной семантикой: оно может быть чистым или нечистым, благоприятным или опасным. В основном, дневное время принадлежит человеку, ночное время принадлежит покойникам и демонам. Но по поверьям славян полдень тоже – опасное время: днем существует опасный момент, „лих час“, своеобразная „дыра“ во времени, когда человека, если он попадает в нее, ожидает несчастье. В предлагаемой статье, анализируется соотношение времени и мифологических существ в поверьях славянских народов.

Время одна из базисных категорий модели мира, и в этом смысле занимает важное место в исследовании символики славянской народной культуры. В последние годы на эту тему появились очень содержательные работы, в первую очередь русских исследователей (Толстой 1997; Толстая 1997а; Толстая 1997б; Виноградова 1996; Виноградова 2000; Агапкина 2002; Плотникова 2004 и другие). Задача этой статьи состоит в подробном освещении соотношения времени и деятельности мифологических существ в славянских поверьях.

В славянской народной культуре „порог“ между сменяющимися друг друга временами наиболее значим в оценке времени *границы*: полдень и полночь, половина и конец недели, новолуние и полнолуние, конец мясоеда и начало поста, конец первой половины года и начало второй, конец года и начало года.

СУТОЧНОЕ ВРЕМЯ

День/ночь

Самое широкое противопоставление в оценке времени в славянской народной культуре по оппозиции *свет/тьма* представлено

в противопоставлении *день/ночь*. День принадлежит человеку, это время его активности, ночь – потусторонним существам. Считается опасным для человека вторгаться в чужое, ночное время. В этом смысле показательны былички о встрече человека с мифологическим существом (в человеческом образе) в ночи на дороге, далеко от дома. Во время такой встречи ночное существо предупреждает человека: „Tvoj je din, ma je nuć“ (Твой день, моя ночь; Rezija, Matičetov 1968: 225); „Noć je moja, dan je tvoј“ (Ночь моя, день твой; Križna gora, Černigoj 1988: 40; Istra, Tomšič 1989: 76). По быличке в окрестностях Дубровника, человек встречает в ночи трех женщин, одетых в белое и подходит к одной из них. Дотронувшись до ее тела, он чувствует, что ее рука холодна, как лед, и тверда, как мрамор. Тогда, самая старшая из них, говорит ему: „Не иди, пријатељу, за туђим послom у незнано доба ноћи, да те зло не снађе, јер је наша ноћ, а твој дан“ (Не ходи, друг мой, за чужим делом в неизвестное время ночи, тебя постигнет несчастье, потому что наша ночь, а твой день“ (Вулетић-Вукасовић 1934: 186). Такие былички распространены на побережье Адриатического моря и в его окрестностях (словенцы в Резии – Италия, в Истрии; хорваты в окрестностях Дубровника).

Одним из наказаний человеку за нарушение ночного мира становится ситуация, когда он сбивается с дороги и всю ночь, до петухов, бродяжит, едва избежав гибели. Дорога является открытым и опасным пространством, но все-таки она имеет и элементы социального, упорядоченного мира. Человек на дороге обладает пространством, она его приводит к цели (в отличии от дикой природы, синонимом которой может быть хаос). Поэтому, при встрече ночью на дороге с нечистой силой, которая предупреждает, что ночь принадлежит ей, человек хитро отвечает: „Nuć tva, rot je ma“ (Ночь твоя, но дорога моя) (Matičetov 1968: 225).

Иногда мир нечистой силы показывается ночью как параллельный человеческому миру: она пирует, веселится, танцует, проводит свадьбу, даже рождает. В окрестностях Дубровника, запрещали ночью ходить под орехом: „Прикаже се црн човјек, па ће ти овако: – Што си дош’о, да ми дјецу крадеш? И сатрће те, ако се не одалечиш и заовеш Бога у помоћ“ (Покажется черный человек, и скажет: – Почему ты пришел красть моих детей? И погубит тебя, если ты не удалишься и не помолишься Богу) (Вулетић-Вукасовић 1934: 177).

После захода солнца на поведение людей в доме накладывается ряд запретов, направленных на защиту имущества и оберег от влияния нечистой силы. В Сербии (Кобаоник, Лесковац) после захода солнца не дают из дома займы сито, уксус, дрожжи, простоквашу и

огонь (Милошевић 1936/XI: 47; Ђорђевић 1958: 548). В Белорусии не начинали резать новую буханку хлеба (Романов 1912/VIII: 312). Особенно, запреты должна учитывать роженица, чтобы ей и ее ребенку не навредила нечистая сила (не оставлять пеленки на ночь на дворе, не выходить из дома ночью без огня, держать рядом с собой апотропеические предметы и т. д.). Ребенку, когда он засыпает, поют колыбельные песни, чтобы его душа во сне не заблудилась.

Если мифологическому существу, чье имя часто выводится из основы существительных *ночь* и *мрак*, удастся вторгнуться в дом, оно, как правило, человека во сне давит (он всю ночь чувствует тяжесть, но не может проснуться) и сосет грудь, от чего ему распухают соски. У детей вызывает бессоницу, страх и плач. Такова на Русском севере *ночница* (Черепанова 1996: 67), у сербов *ноћница* (Караић 1986: 590), *ноћничина* (Милосављевић 1913: 108; Петровић 1948: 347), хорватов *поћница* (Ardalić 1902: 275), словенцев *počnina* (Zablatnik 1982: 16), болгарь (17–18 в.) *ношница* (БЕР 1995/IV: 694). У сербов и хорватов ночью грозит и мужское существо *ноћник* (Банат, Филиповић 1958: 280; Хомолье, Кошутић 1984/41: 50), *поћник*, *поћњак* (Тополовац, Дубровник, RJAZU VIII: 219), у румынских сербов *ноћник* (Крстић 1987: 187). В отличие от *ночниц*, которые не видны ночью, *ноћник* является призраком в образе огромного человека. По поверьям подравских хорватов в Венгрии, на него похож *trak*, (Eperjessy 1999: 40), в Белой крайне в Словении – *tračnjak* (Möderndorfer 1964: 345). И в одном, и в другом случае его представляют себе как огромного, волосатого человека в большой шляпе.

Полночь

Активность нечистой силы усиливается к полночи. Это промежуток времени, лучше сказать „безвременье“, который определяется по-разному. Обычно продолжается с 11 ночи до первых петухов. У сербов называется *глуво доба*, в локальной традиции в южной Сербии – *ниједно време* (Ђорђевић 1958: 559), у болгар (Сливенский край) – *по-тайно време* (Цанева 1989/2: 122). По поверьям, в это время не течет вода, и на мгновение останавливаются мельницы (Марковић С. 2004: 147). В полночь наступает разгул нечистой силы, и если человек окажется вне дома, он полностью в ее власти. По верованиям славян-католиков, тогда появляется свет в костёлах, и они наполняются покойниками. Существуют былички, по которым человек попадает в полночь в костёл и там присутствует на мессе. В определенный момент он замечает, что присутствующие имеют телесные недостатки – у некоторых нет головы или носа и т. п., и едва успевает убежать. Так, по быличке

словенцев из Резии в Италии, женщину в костеле в полночь узнает (покойная) крестница и предупреждает, что тут все души покойников и что ее растерзают если сразу не убежит домой и не спрячется в постель, положив на себя ногу мужа (Merkù 1976: 116).

По поверьям на Русском Севере в полночь является нечистый дух – *полуночница*, *полуноцница*, который беспокоит детей (Власова-Жекулина 2001: 486; Ивлева 2004: 211). У прекмурских словенцев упоминается *роитоџка*, *роитоџница*, *роиноџница* (Novak 1985: 78). В Сербии, в Среме, верили, что в полночь господствуют *полуноћани* (нечистые покойники). По сказке, они поймали девушку Яну и повели с собой. Она вспомнила, кто они и запела: „Петлови, браћо моја, што не запевате, одведоше лепу Јану полуноћани“ (Петухи, братцы, почему не оглашаетесь, полунотяни отведут Яну красавицу) (Шкарић 1939: 136). У болгар, *полунощници* – злые духи, которые упоминаются в заговоре (Геров 1901/IV: 151).

В полночь активизируются и другие мифологические существа. По поверьям из России (Рязанская область), *змеи* откажется ходить к девушке, если она станет волосы чесать в полночь (Ивлева 2004: 96). Волосы любимое место для душ, которые задерживаются на земле. В Санкт-петербургской области верили, что *домовой* в полночь выходит в образе солдата и начинает чистить лошадь (Ивлева 2004: 21). Верили и в то, что человек становится волком (*вовкулак*), если перекинется три раза в огороде, ровно в 12 часов ночи (Ивлева 2004: 52). Если родители проклянут своего ребенка, то в 12 часов ночи его утаскивают *нечистые* (Рязанска област, Ивлева 2004: 110). Под Новый год, в полночь *ворожили* девушки перед зеркалом, ждали, как покажется жених (Ряз. об., Ивлева 2004: 116). Под Ивана-травника (Купала) ровно в 12 часов ночи ходят искать цветок папоротника (чтобы знать всё) (Ивлева 2004: 104), и т. д. У Галипольских сербов *нерайде* (вилы) ходят в полночь (Филиповић 1946: 99) и т. д.

Полдень

С окончанием полночи начинается „истекать“ новое время и до полудня оно „наполняет“ пространство человеческого мира. Именно в полдень суточное время имеет самый высокий уровень и с этого момента, оно тянет назад и до глухой поры ночи полностью вытекает.

Время нового дня зарождается после захода солнца, но оно начинается течь с окончанием глухой поры ночи. О том, что вечером начинается время нового дня свидетельствуют следующие факты: если запрещено работать в определенный день, то запрет начинается действовать накануне, вечером предыдущего дня, и кончается с заходом сол-

нца следующего дня. Так, женщинам запрещено прясть по средам и пятницам, но в действительности этот запрет начинает действовать уже во вторник и в четверг вечером, а кончается в среду и пятницу вечером, после захода солнца. По верованиям из Скопской котловины в Македонии, „Св. Неделя ‘прощает’, если кто работает в воскресенье во второй половине дня“ (Филиповић 1939/LIV: 513–514). Праздники, как правило, начинаются с вечера (с заходом солнца) накануне праздника: „Старие говорили, празник заходить из вечера“; „Як сонцэ зайде, то ужэ празник зайшоў“ (Полесье, Толстая 2005: 189). Известный сербский семейный праздник „слава“ начинается вечером и продолжается в течение следующих двух дней.

Время полдня обладает признаком „остановленного“ времени, и тем самым, если время неподвижно и не крутится, оно тоже имеет характер „безвременья“ и принадлежит существам, которые находятся вне течения времени, т.е. душам покойников и демонов. Поэтому людям запрещено работать в полдень, чтобы не нанести вред духам, которые выходят в это время на перекрестки, в поле, огород, во двор, на берег реки. Они наказывают людей, если те не соблюдают запрет на работу, ловлю рыбы или хождение по дороге. Купающиеся и рыболовы тонут, работающие на пашне ранят руки, путники и охотники блуждают. На Русском Севере в полдень даже окна закрывали.

У белоруссов мифологические существа, которые наказывают людей в полдень, называются *бесы полуденные* (Романов 1912/VIII: 286), у русских это делает *полудница* и *ржица* как разновидность полудницы, дух который прячется во ржи (Власова 1998: 414–415), еще и *полудзеник* (Черепанова 1983: 37); у лужицких сербов – *pr̃ipoldnica*, она также известна и под названием *serpownica*, *serpowa baba* (Їерну 1898/III: 29), у поляков – *południca*. У южных славян, такие существа почти отсутствуют. У хорватов на побережье Адриатического моря в полдень, по верованиям, появится призрак, то в образе осла без ног, то в образе бабочки или большого жука, под названием, *подне рогато* (Вулетић-Вукасовић 1934: 177; Масан 1975/46: 453–454); у болгарь (в XVII веке) зафиксированное название существа – *пладница* (БЕР/V 1999: 294). Со временем появления мотивированные названия водяника у белоруссов – *поўдзень* и *палудзённик* (БМ 2004: 389). По преданиям, он часто в полдень выскакивал из воды до пояса и кричал: „Рот есть, да некого есть!“ (Романов 1912/VIII: 289).

В полдень появляются и другие мифологические существа, названия которых не связаны с основной «полдень»: у словенцев (в Штирии) это призрак *preglavica*, женщина без головы, в белом одеянии, которая сбивает людей с дорог (Paјek 1884: 174); у сербов (в Банате)

12 вил (Филиповић 1958: 278); у хорватов (о. Млет) – *loroko* (Масап 1975/46: 454–455) и т. д.

Из сопоставления полночи и полдня можно сделать выводы, что и в одном, и в другом случае идет речь об остановленном времени, которое перестало „вертеться“ и потому превратилось в „не-время“. Именно тогда активизируется нечистая сила и она начинает господствовать в этом пространстве с остановленным временем. Если человек в этот момент начинает или продолжает свою деятельность, и особенно, если при этом человек пользуется орудиями труда, то он рискует нанести ей повреждение и тем вызвать ее гнев и наказание.

Неровен, лих час

В традиционной культуре славян существует представление о существовании неизвестного опасного момента, который можно понять как „дыру“ во времени. Если человек начинает определенную деятельность в момент когда „дыра“ появилась, это для него может иметь роковые последствия – несчастье или смерть.

Этот опасный момент на Русском Севере называется *неровен час* (Власова 1998: 429), в южной Сербии *лош сат* (Ђорђевић 1958: 548), у сербов в Герцеговине – *зао час* (Братић 1902: 292; Филиповић 1949: 206); у словенцев в Резии *hüda ura* (Matičeton 1968: 225) или *hud čas* (Cvetek 1993: 62–63), у болгарских мусульман в Родопах – *икси саат* (Троева-Григорова 2003: 167). В России, на Урале, существует выражение *дикой цяс*, которое может обозначать полдень, но и другой „лих“ час: „...Лешачиха, сидит на реке, волосы чешет (...). Забежал в дикой цяс, лешачиха в воду и бухнула (Востриков 2000/V: 153).

Если мать пошлёт ребёнка к лешему „в добрый и святой час“, для него это проклятие пройдет бесследно, но если „в лих час, то бес уведёт ребёнка“. Даже ругания скотины „под неровен час“ приводят к тому, что она, по поверьям, становится невидимой для хозяев (Ярославская губерния; Власова 1998: 429). По сербскому преданию, женщина проклинала человека выражением „Пусть без глаз останешься!“, но человек, зная, что лих час быстро сказал „Пусть ты останешься!“ и в этот час лопнули ее глаза (Ђорђевић 1958: 548). В Боснии (Високо) верили, что злой час имеется во вторник и в пятницу и потому, в эти дни не рекомендовалось начинать пахоту (Филиповић 1949: 206).

Считается очень опасным, если человек зачат или родился в злой час. По поверьям из Герцеговины, человек который зачат в злой час после смерти станет упырем (Братић 1902: 292). По преданию из Сербии (Косово), суденицы, которые определяют судьбу новорожденному ребенку, сказали: „Боље да се дете и није родило, јер није рођено у

добар час“ (Лучше бы ребенку не родиться, потому, что родился он в недобрый час) (Вукановић 2001: 483).

У словенцев, лихой час персонифицируется, наказывая или выполняя то, что определено судьбой человеку. По преданию (Толминско) никто из хозяев в деревне не хотел в своем доме принять женщину с ребенком переночевать, кроме бедного старика. В полночь пришла страшная „худа ура“ и, когда старик утром проснулся, не было ни жены ни отрока. Посмотрев около себя, старик увидел, что и деревни нет, только его бедный домик стоит, как остров среди озера (Dolenc 1992: 173). В словенском языке выражение *huda ura*, обозначает «грозу», «бурю», *hudournik* «поток», «горный ручей» (из древнеславянского *худыи* «плохой», «дурной», «некрасивый»). По поверьям словенцев из Резии в Италии, *Hüda ura* в образе бабушки появляется в горах перед началом бури (Matičeto 1968/XVI: 225). В Бохине зафиксированы выражения „Hud čas ga kliče“ (лих час зовет его), „Hud čas čaka“ (лих час ждет), т.е. ему уготовано несчастье. Так, по преданию, услышав голос „худого часа“, не пустили парня идти в горы, где бы он, в определенный момент погиб. Когда этот момент прошел слышали голос „Hud čas ja to, človeka pa ni!“ (Час прошел, человека не было) (Cvetek 1993: 62).

В древнерусском и в современных восточнославянских языках существует фразеологизм *рябинная ночь* (*воробьиная, рябиновая, горобина, оробина ночь* и т.д.), ночь со вспышками молний, с грозой или без нее, т.е. рябая, пестрая ночь. По белорусским поверьям, это время разгула нечистой силы, но и время, когда буря и удары молнии уничтожают чаровников и нечисть (Агапкина-Топорков 1989: 230–253).

Дни недели

В народном календаре славянских народов каждый день недели имеет определенную семантику, в соответствии с которой он понимается как благоприятный или неблагоприятный для начала или совершения дел. Эта семантика, в основном, обосновывается на противопоставлениях *начало/конец* недели и *мужское/женское* название дня.

У южных славян неблагоприятными днями считаются *вторник* и *суббота*. В эти дни нельзя начинать такие важные дела, как пахота, строение дома, свадьба и т.д. Даже, по поверьям сербов, если человек умер во вторник, то в ближайшее время умрет еще кто-то из этого дома (Марковић 1898/I: 210). У болгар вторник по наименованию ассоциируется с „уморник“ (погубитель). Считалось, если начнется копанье ямы для фундамента дома во вторник, вымрет семья в новом доме (Сакар, Николов 2002: 136). Вторник понимается как „второе“, „нелицевое“

время, которое асоциируется с признаками „невидный“, „чужой“. Суббота представляет конец недели и считается днем покойников. Задушницы всегда отмечаются по субботам. У хорват на о. Млет не подстригали волосы по субботам, чтобы их души не проклинали (Масап 1932/XXVIII: 231). Люди и некоторые животные, родившиеся в этот день, по славянским поверьям, имеют способность видеть ведьм, упырей, самодив и т.д. По поверьям из Болгарии (Сакар), дети родившиеся по субботам, наделены способностью видеть самодив, потому, что при рождении им помогают девять сестер Субботы (*сѣботничевите девет сестри*) (Попов-Мицева 2002: 239).

У восточных славян часто неблагоприятными днями считаются *понедельник* и *четверг*, возможно потому, что воскресенье понимается как легкий, светлый и хороший день, а следующий за ним день должен быть противоположным по значению. В Белоруссии, пожилые люди часто держались поста в понедельник, считая, что после смерти, когда святой Понедельник будет проводить их душу до божьего престола, дьяволы не смогут его остановить (Романов 1912/VIII:310).

По средам и пятницам запрещена женская деятельность, особенно прядение. Считается, что Среда и Пятница в облике женщин ходят накануне среды и пятницы и наказывают женщин, которые не соблюдают запрет работать в это время.

У славянских народов засвидетельствованы многие варианты сюжетов, как Середа (персонификация одноименного дня недели), или иная персонификация времени, посещает женщину, которая нарушает запрет на прядение, чтобы ее наказать. Женщину от верной смерти спасает хитрый совет соседки. Так, по русскому преданию, молодая баба пряла поздно вечером со вторника на среду. Перед сном она попросила „матушку Середу“, чтобы та ей помогла назавтра встать пораньше да допрясть. Поутру, до свету, ее разбудила незнакомая женщина и сказала, что она Середа и что все ее холсты допряла и выткала, и надо ей пойти на речку принести воды, полотно белить. По пути до речки, женщина зашла к соседке-старухе и рассказала о незнакомой помощнице: „Нехорошо это, – сказала старуха, – она тебя на этих холстах удавит, либо сварит. Ты ведра возьми, вернись домой и крикни под дверь: „На море серединские дети погорели! Она выбежит, а ты прежде нее заскочи в избу и дверь запри да закрести. Как она ни будет грозить, не выпускай, мелом крести и твори молитву“. Все так и вышло. С первым криком петуха Середа пропала (Новичкова, 1995: 517–518). По сербскому сюжету, женщина выгоняет из дома Среду криком „Изгорела горица и у гори Сриједа“ (Сгорела гора и в горе Середа!) (Чајкановић 1927: 444). У мусульман в окрестностях г. Ро-

жае в Черной Горе, *Сриједу* прогоняют выражением: „Изгоре шума, а у шуми Сијермина дјеча!“ (Горит лес и в лесу дети Сиермы!) (U riječima 1987: 67–68). У словенцев сюжет о попытке Среды наказать женщину за несоблюдение запрета прядения, связывается то с *Торковицей* (Rešek 1983: 181), которая появляется во вторник вечером, то с *Кватрнице* (Kelemina 1997: 95), у болгарь с *бабой Тудуричкой* (Попов 1994: 85). Кватрница представляет персонификацию *квартной пятницы*, дня на первой неделе поста перед Рождеством, а баба Тудуричка – персонификацию времени любого дня на так называемой Тодоровой неделе (первая неделя великого поста). У болгар сохранилась уже указанная формула для обмана опасной посетительницы, здесь бабы Тудурички. По совету соседки, женщина, которой баба Тудуричка предлагает вместе варить полотно кричит: „Излез, излез Тудорова майко, че Тудорова деца изгоряха в Тудурово село!“ (Выходи, выходи, Тудорова мать, Тудуровы дети сгорят в Тудуровом селе) (Попов 1994: 85).

По воскресеньям запрещена любая деятельность, как женщин, так и мужчин, даже выпечка хлеба и охота. Несоблюдение этого запрета приводит к наказанию Святой Недели, которая в такой роли обычно появляется в образе змеи (Majewski 1892/VI: 133; Јоксимовићка 1900/II: 54; Stojković 1936/XXX: 62). В отличии от Среды и Пятницы, которые считают мстительными, Святая Неделя прощает людям, и к ней обращаются молитвой за помощью, называя ее *пресвета Неђељица* (Яйце в Боснии, Н. С. И. 1899/I: 242), *царица Неђеља* (Герцеговина, Черная Гора, RJAZU I: 759), *мајка слатка* (Серби, Лесковац, Ђорђевић 1958: 400); в заклитии в Черной Горе – *окрашеница* („Тако ми свете *окрашенице* – ја то знала нијесам“, Стијовић 1990/XXXVI: 270).

ЛУННОЕ ВРЕМЯ

Полнолуние и безлуние в славянской культуре считаются опасным временем, якобы тогда можно у восточных славян встретить водяного, лешего, русалку, у южных – вилу, юду (Троева-Григорова 2003: 120). В Белоруссии, под полнолуние пекли хлеб и ночью клали горбушку булки домовику в хлев, чтобы любил скот. Войдя в хлев, хозяин говорил: «Домовик, домовой! Прыми ат мяне хлеб-соль, любии моих лашадей и жалуй! И я буду тябе любить и жаловать!» (Романов 1912/VIII: 288).

Время года

По мифологическим представлениям славян, существуют четыре календарных периода, когда особенно активна нечистая сила, ме-

жду ними два самые важные – *святки* и дни перед *Троицей* (в первую очередь *Русальная неделя*). Следующие два бывают накануне *великого поста* и *Ивана Купалы*. В это время падают и дни почитания покойников, так как считается, что они в эти периоды выходят из потустороннего мира или уходят туда, навещая своих родственников или с ними прощаясь.

У всех славян считается, что очень опасный двенадцатидневный период от Рождества до Богоявления (рус. *святки*, серб. *некрштени дани*, болг. *погани дни* и т.д.), потому что тогда шатается по дорогам нечистая сила. По поверьям на Русском Севере, тогда выходят из воды *шуликуны*, или бродят другие нечистники – *святки*, *дьяволы*, *черти*, бывают *бесовские потехи* и т.д. (Зеленин 1999: 82–99). Согласно сербским, болгарским и македонским поверьям, в святочные дни появляются духи, которые чаще всего называются *караконджулы*. У словенцев под Рождество, как считалось, ходит опасная *Перхта баба*, с которой обычно связывается и *divja jaga* (дикая охота), стая душ умерших, которые ночью шумно то охотничают, то куда-то переселяются. В это время нельзя вечером выходить из дома, собираться на вечеринки, женщинам запрещено прясть. По славяно-балканскому сюжету, группа девушек, не соблюдая такой запрет, собирается вечером в пустом доме, на мельнице, в бане, на углу деревенской улицы. Вдруг появляются незнакомые парни, как правило, точно столько, сколько бывает девушек, и садятся напротив них. Чаще всего, девчонка, младшая сестра одной из этих девушек, видит их в истинном свете (как прячут хвосты под лавкой или в сапогах, что у них зубы длинные или железные, что огонь во рту) и предупреждает свою сестру. Сестрам (или одной из девушек) удастся добратся до дома или спрятаться в другом помещении и закрыть дверь. Демоническое существо преследует их, стучит и приказывает им открыть двери. Сестры (или одна девушка) обычно спасаются, рассказывая апотропеический текст, известный как „повесть о мучении конопли или льна“, т. е., рассказывая обо всех этапах обработки („мучения“) конопли и приготовления полотна (этот текст в широком ареале и в разных аспектах исследован в статье Н. И. Толстого *Vita herbae et vita rei*; см. Толстой 2003: 37–72). Проходит опасное время (глухая пора ночи), оглашаются петухи, нечистая сила исчезает и девушка (с младшей сестрой) спасается. Остальных девушек находят утром растерзанными (Филиповић 1986: 54–55; Franković 1990/9: 35; Попов 1994/2: 84; Босић 1996: 222, 2001/5: 50–77; Марковић С. 2004: 146–147).

У словенцев в связи с уже упомянутой „дывём ягом“ (*divja jaga*, *popočna jaga*, *duga jaga*, *nočni jag*, *nočni lov*, *divji lov*) чаще всего встреча-

ются два сюжета. По одному, человека ночью на дороге настигает „дывья яга“. Он не соблюдает правило лечь в левую колею на дороге лицом к земле, поэтому один из предводителей „диких охотников“ (*perhta* баба, хорни мож, дивји ловец) забивает ему топор в крестец. Вследствие этого, он чувствует боль все лето и хромает. По совету, человек в этот же день следующего года и на том же месте опять ложится в левую колею. Появляется „дывья яга“ и тот, кто бросил топор, говорит: „Lani sem bila tu nekaj pozabila, moram jo spet vzeti“ (В прошлом году я здесь была и кое-что забыла, должна теперь это обязательно взять) (Slovan 1884/I: 303–304); „Lani sem dala, letos sem vzela!“ (В прошлом году дала, в этом взяла!) (Zablatnik 1984: 63); „Tu sem lani pustil, letos bom pa vzela“ (В прошлом году бросил, в этом возьму!) (Hudales – Stropnik 1991: 50–51). После этого человек возвращается домой здоровым. Этот сюжет, в определённом смысле имеет свои параллели в Сербии, где периодическое переселение покойников, приказывается в виде свадьбы. По преданию из Шумадии (Топола), два парня останавливаются ночью на лугу, и один из них засыпает. Вдруг, откуда ни возьмись появляется шумная свадьба. Кто-то говорит, что у коляски кума сломалось колесо: „Д` узмемо, каже, овем ногу за годину дана“ (Возьмём, говорят, ногу у этого на год). После этого свадьба ушла, а когда заснувший парень проснулся, он не мог встать на ногу. На следующий год, в то же время на этом же месте, здоровый парень приносит своего друга и опять останавливается свадьба, и из колеса возвращают ногу больному. Он просыпается здоровым (Кнежевић 1981: 40–41).

По другому сюжету, человек в доме ночью, услышав лай собаки диких (мертвых) охотников, не соблюдает молчание и имитирует их голоса или приказы охотников к собакам. Вдруг все затихает и через дымоход в дом попадает „krvavo stegno“ (кровоавое бедро) или другая часть человеческого тела и доходит приказ демонического охотника: „Si z nami lovil, se boš z nami gostil!“ (Ты с нами охотничал, с нами будешь и гоститься) (Tonejec 1882/II: 89); „Ste pomagali vajati, pa pomagajte tista noga uberati“ (Помогали лаять, помогите и эту ногу грызть) (Piko 1996: 72–74); „Če si pomagali loviti, pa še pomagaj pojesti!“ (Помогал охотиться, помогай и поесть) (Glosenčnik 1998/17: 62). Интересно, что в некоторых областях Словении, уже не существует выше упомянутое демонологическое предание, но осталось выражение *krvavo stegno*, обозначающее страшилище, пугало, для детей: „Starši so nas strašili: – Ko bo zvonilo Avemarijo, moraš biti doma, ker te bo drugače *krvavo stegno*!“ (Старшие нас пугали: – Когда колокол огласит вечернюю молитву, ты должен быть дома, в противном случае тебя схватит кровоавое стегно) (Kastelic – Primc 2001: 62). По-видимому, в качестве третьей степени де-

митологизации, появляется, также в роли пугала для детей, *шкоренце* (škorence) – летучий сапог (Cvetek 1993/5: 40).

Демоны, появляющиеся на первую неделю великого поста (сербы и румыны в Банате, влахи в северо-восточной Сербии и северо-западной Болгарии) называются – *тодорцы*, *сентодери* и т.д. и представляются в виде лошадей, всадников или людей с некоторыми признаками лошадей (копыта, хвост, длинные зубы). Они наказывают девушек, которые собираются на вечеринки или для прядения, но и остальных, если окажутся на улице вечером и ночью в эти дни. Одним из признаков тодорцев является цепь, указывающая на возможность их толкования как связанных, проклятых душ, которые возвращаются в подземное царство после временного пребывания на земле. Обрядовую гонку лошадей в субботу (Тодорова суббота) от деревни к полям, можно трактовать как образ собирания тодорцев и их выведение из социального мира (Раденковић 1998/IV: 119–123).

Один из периодов в году, когда, по народным поверьям, отпускают души с того света, и они возвращаются на землю – время от *Великого четверга до Троицы*. В воскресенье после Троицы собираются и души нечистых покойников и отправляются вне социального пространства. В окрестностях Пловдива в Болгарии люди накануне Троицы, отправляясь на задушници, оставляют двери домов открытыми, чтобы все души могли уйти, а по пути до кладбища молчат (Беновска-Събкова 1996/XXII/3: 85). В этот период особенно активны женские мифологические существа: у восточных славян это *русалки*, у южных – *вилы*, *самодивы*, *юди*.

На *масленице*, накануне *Ивана Купалы*, но также и накануне других великих праздников в году (*Рождество*, *Юрьев день*) считается, что *ведьмы* развивают свою вредоносную активность и потому в эти дни принимаются многие магические образы защиты от их деятельности.

По народным представлениям славян, в году бывают и другие *недобрые дни*. Так, по поверьям из Полесья, злыми днями являются 4 августа, 14 декабря и 1 апреля, потому что тогда Бог сверг дьявола с неба. Детям, рожденным в эти дни, суждено погибнуть страшной смертью. Списки таких «злых» дней обычно хранят в «заветных» тетрадях вместе с молитвами, заговорами, лечебными рецептами, календарными записями и т. п. (Толстая 2005: 91–92).

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина, 2002

Т. А. Агапкина, *Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл*, Москва 2002.

Агапкина – Топорков, 1989

Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков, Воробьиная (рябиновая) ночь в языке и поверьях восточных славян // *Славянский и балканский фольклор*, Москва 1989.

Беновска-Събкова, 1996/XXII/3

М. Беновска-Събкова, Апокрифни мотиви и народно вярване („Разпускането“ на мъртвите души) // *Българска етнология XXII*, кн. 3, София 1996.

БЕР, 1971–2002/I–VI

Български етимологичен речник I–VI, София 1971–2002.

БМ, 2004 .

Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік, Мінск 2004.

Босић, 1996

М. Босић, *Годишњи обичаји Срба у Војводини*, Нови Сад 1996.

Братић, 1902

Т. А. Братић, Пабирци из народног ветеринарства, ГЗМ XVI, Сарајево 1902.

Виноградова, 1996

Л. Н. Виноградова, Календарные переходы нечистой силы во времени и пространстве // *Концепт движения в языке и культуре*, Москва 1996.

Виноградова, 2000

Л. Н. Виноградова, *Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян*, Москва 2000.

Власова, 1998

М. Власова, *Русские суеверия. Энциклопедический словарь*, Санкт-Петербург 1998.

Власова-Жекулина, 2001

Традиционный фольклор Новгородской области. Издание подготовили: М. Н. Власова, В. И. Жекулина, СПб. 2001.

Востриков, 2000/5

О. В. Востриков, *Традиционна култура Урала*, вып. 5, Екатеринбург 2000.

Вукановић, 2001

Т. Вукановић, *Енциклопедија народног живота, обичаја и веровања у Срба на Косову и Метохији*, Београд 2001.

Вулетих-Вукасовић, 1934

В. Вулетих-Вукасовић, *Призријевање*, СЕЗб L, Београд 1934.

Геров, 1901/IV

Н. Геровъ, *Речникъ на блъгарскый языкъ с тлъкувание речи-ты на блъгарскы и на русскы, ч. четвърта, издадено под редакция-тъ на Теодоръ Панчевъ*, Пловдивъ 1901.

Ђорђевић, 1958

Д. М. Ђорђевић, *Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави*, СЕЗб LXX, Београд 1958.

Зеленин, 1999

Д. К. Зеленин, *Загадачные водяные демоны „шуликуны“ у русских // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1917–1934*, Москва 1999.

Ивлева, 2004

Представления восточных славян о нечистой силе и контактах с ней. Материалы полевой и архивной коллекции Л. М. Ивлевой, СПб. 2004.

Јоксимовићка, 1900/II

М. Б. Јоксимовићка, *Ситне белешке: Не треба месити хлеб у петак и у недељу*, *Караџић II*, Алексинац 1900.

Караџић, 1986

В. С. Караџић, *Српски рјечник (1852)*// Сабрана дела Вука Караџића XI/1, Београд 1986.

Кнежевић, 1981

М. Б. Кнежевић, *Преља на месецу. Нови записи народних умотворина*, Београд 1981.

Коштутић, 1984/41

В. Р. Коштутић, *Хомољске бајалице*, *Расковник XI*, бр. 41, Београд 1984.

Крстић, 1987

Б. Ђ. Крстић, *Код Белог Брешка и око њега*, Букурешт 1987.

Марковић, 1899/I

М. С. Марковић, Српске народне празноверице, *Караџић I*, Алексинац 1899.

Марковић, С., 2004

С. Марковић, *Приповетке и предања из Левча. Нови записи*, Београд-Крагујевац 2004.

Милосављевић, 1913

С. М. Милосављевић, Обичаји српског народа из среза хомољског, *СЕЗб XIX*, Београд 1913.

Милошевић, 1936/XI

М. Ј. Милошевић, Народне празноверице у копаоничким селима у Ибру, *ГЕМ XI*, 1936.

Николов, 2002

И. Николов, *Къща // Сакар*, Софија 2002.

Новичкова, 1995

Т. А. Новичкова, *Русский демонологический словарь*, СПб. 1995.

Петровић, 1948

П. Ж. Петровић, Живот и обичаји народни у Грузи, *СЕЗб LVIII*, Београд 1948.

Плотникова, 2004

А. А. Плотникова, *Этнолингвистическая география Южной Славии*, Москва 2004.

Померанцева, 1978

Э. В. Померанцева, Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // *Славянский и балканский фольклор*, Москва 1978.

Попов, 1994/2

Р. Попов, Светци демони // *Етнографски проблеми на народната духовна култура*, т. 2, Софија 1994.

Попов-Мицева, 2002

Р. Попов, Е. Мицева, Народен светоглед // *Сакар*, Софија 2002.

П. С. И. 1899/I

П. С. И(ванчевић), Народна молитва св. Недељи, *Караџић I*, Алексинац 1899.

Раденковић, 1998/IV

Љ. Раденковић, Тодорица – „коњска слава“ // *Етнокултуролошки зборник IV*, Сврљиг 1998.

Романов, 1912/VIII

Е. Р. Романов, *Белорусский сборникъ*, вып. VIII, Вильна 1912.

Седакова, 2003

И. А. Седакова, Рождение и жизненный сценарий: „субботние“ люди на Балканах // *Славянское и балканское языкознание*, Москва 2003.

Сикимић, 2001/5

Б. Сикимић, *Сведци прева мотају*, Лицеум 5, Крагујевац 2001.

Стијовић, 1990/XXXVI

Р. Стијовић, Из лексике Васојевића, *Српски дијалектолошки зборник XXXVI*, САНУ, Београд 1990.

Толстая, 1997а

С. М. Толстая, Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // *Культура и история. Славянский мир*, Москва 1997.

Толстая, 1997б

С. М. Толстая, Время как инструмент магии: компрессия и растягивание времени в славянской народной традиции // *Логический анализ языка. Язык и время*, Москва 1997.

Толстая, 2005

С. М. Толстая, *Полесский народный календарь*, Москва 2005.

Толстой, 1997

Н. И. Толстой, *Времени магический круг (по представлениям славян) // Логический анализ языка. Язык и время*, Москва 1997.

Толстой, 2003

Н. И. Толстой, *Очерки славянского язычества*, Москва 2003.

Троева-Григорова, 2003

Е. Троева-Григорова, *Демоните на Родопите*, София 2003.

Филиповић, 1939/LIV

М. С. Филиповић, Обичаји и веровања у Скопској котлини, *СЕЗб LIV*, 1939.

Филиповић, 1946

М. С. Филиповић, *Галипољски Срби*, Београд 1946.

Филиповић, 1949

М. С. Филиповић, Живот и обичаји народни у Височкој нахији, *СЕЗб LXI*, Београд 1949.

Филиповић, 1958

М. С. Филиповић, Вера и црква у животу Банатских Хера, *Банатске Хере*, Нови Сад 1958.

Филиповић, 1986

М. С. Филиповић, *Трачки коњаник. Студије из духовне културе*, Београд 1986.

Цанева, 1989/2

Д. Цанева, Демонологични вярвања в Сливенскиа балкан // *Фолклорната традиција на Сливенскиа край, Регионални проучвања на български фолклор*, т. 2, БАН, Софија 1989.

Чајкановић, 1927

В. Чајкановић, Српске народне приповетке, СЕЗБ ХLI, Београд 1927.

Черепанова, 1983

О. А. Черепанова, *Мифологическая лексика Русского Севера*, Ленинград 1983.

Черепанова 1996

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера, Составитель и автор комментариев О. А. Черепанова, Санкт-Петербург 1996.

Шкарић, 1939

М. Шкарић, Живот и обичаји «Планинаца» под Фрушком гором, СЕЗБ LIV, Београд 1939.

Ardalić, 1902

V. Ardalić, Bukovica, ZNŽO VII, Zagreb 1902.

Cvetek, 1993

M. Cvetek, *Naš voča so včas zapodval. Bohinjske pravljice*, Ljubljana 1993 (Zbirka Glasovi 5).

Černigoj, 1988

F. Černigoj, *Javorov hudič*, Ljubljana 1988 (Zbirka Glasovi 1).

Černy, 1898/III

A. Černy, *Mythické bytosti lužických Srbů*, *Národopisný sborník československý* III, v Praze 1898.

Dolenc 1992

J. Dolenc, *Zlati Bogatin. Tolminske povedke*, Ljubljana 1992 (Zbirka Glasovi 4).

Eperjessy, 1999

E. Eperjessy, Ispitivanje međusobnih utjecaja u pučkom praznovjerju jednog mađarsko-hrvatskog naselja, *Etnografija Hrvata u Mađarskoj* 5, Budimpešta 1999.

Franković, 1990/9

Đ. Franković, Mitska bića podravske Hrvata, *Etnografija južnih Slovena u Mađarskoj* 9, Budimpešta 1990.

Glosenčnik, 1998/17

I. Glosenčnik, *Strah me je gratalo: od Ojstrice nad Dravogradom do sv. Duha na Ostrem vrhu*, Ljubljana 1998 (Zbirka Glasovi 17).

Hudales – Stropnik, 1991

J. Hudales, I. Stropnik, *Mlinškovo berilo. (I)zbrani etnološki in slovstveni zapiski*, Velenje 1991.

Kastelic – Primc, 2001

Z. Kastelic, J. Primc, *Krvapivc. Vse sorte iz dežele Desetega brata, srednje Suhe krajine, domovanja Turjaških do Kočevskega*, Ljubljana 2001 (Zbirka Glasovi 24).

Kelemina, 1997

J. Kelemina, *Bajke in pripovedke slovenskega ljudstva*, Bilje 1997.

Macan, 1932/XXVIII

T. M. Macan, Čaranje, gatanje (Blato na Mljetu), *ZNŽO XXVIII*, Zagreb 1932.

Macan, 1975/46

T. Macan, Dubočka kazivanja u Dubcu, *ZNŽO 46*, Zagreb 1975.

Majewski, 1892

E. Majewski, Wąż w mowie, pojęciach i praktykach ludu naszego, *Wisła* VI, Warszawa 1892.

Matičetov, 1968

M. Matičetov, Pregled ustnega slovstva Slovencev v Rezii (Italija), *Slavistična revija* XVI, Ljubljana 1968.

Merkù, 1976

P. Merkù, *Ljudsko izročilo Slovencev v Italiji*, Trst 1976.

Möderndorfer, 1964

V. Möderndorfer, *Ljudska medicina pri Slovencih*, Ljubljana 1964.

Novak, 1985

F. Novak, *Slovar beltinskega prekmurskega govora*, Murska Sobota 1985.

Pajek, 1884

Pajek, *Črtice duševnega žitka štajerskih Slovencev*, Ljubljana 1884.

Piko, 1996

M. Piko, *Iz semena pa bo lipa zrasla: pravlice, storije in basmi s Koroške*, Ljubljana 1996 (Zbirka Glasovi 14).

Rešek, 1983

D. Rešek, *Šege in verovanja ob Muri in Rabi*, Murska Sobota 1983.

RJAZU

Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika I–XXIII, JAZU, Zagreb.

Slovan, 1884/I

Slovan I, Ljubljana 1884, št. 38 (Arhiv Inštituta za slovensko narodopisje, Ljubljana).

Stojković, 1936/XXX

M. Stojković, *Sretni i nesretni dani*, ZNŽO XXX, JAZU, Zagreb 1936.

Tomšič 1989

M. Tomšič, *Noč je moja, dan je tvoj (Istarske storije)*, Kmečki glas, Ljubljana 1989 (Zbirka Glasovi 2).

Tonejec, 1882/II

M. Tonejec, (Divji lov), *Kres* II, Ljubljana 1882, št. 2 (Inštitut za slovensko narodopisje, Ljubljana).

U riječima, 1987

U riječima lijeka ima. Zbornik zapisa narodnih umotvorina iz Rožaja i okoline, Rožaje 1987.

Zablatnik, 1982

P. Zablatnik, *Od zibelke do groba. Ljudska verovanja, šege in navade na Koroškem*, Celovec 1982.

Zablatnik, 1984

P. Zablatnik, *Čar letnih časov v ljudskih šegah. Stare vere in navade na Koroškem*, Celovec 1984.

ОПАСНО ВРЕМЕ У СЛОВЕНСКИМ НАРОДНИМ ПРЕДСТАВАМА

Резиме

У народној култури словенских народа време се материјализује и замишља слично води, која стално ритмично истиче из једног извора, прекрива простор овога света, а затим се повлачи на место одакле је истекла. На оном свету време не постоји и зато је тамо све вечно и не дешавају се никакве промене. Ако се случајно човек нађе на оном свету и поново врати у свет живих људи, затиче огромне промене. Он мисли да је тамо био врло кратко, а у ствари, на земљи је протекло неколико векова.

За један круг кретања времена, које чини дан и ноћ, код Срба постоји локални назив „један ред“, а код Руса – „сутки“. Целокупно време истиче и враћа се на свој почетак кроз четири концентрична круга, који се опајају као *дан-ноћ*, *недеља* (седам дана), *месец* (четири недеље) и *година* (дванаест месеци). У таквом поимању времена, важан моменат постају *границе*, тј. моменти када се време „зауставља“ да би променило ток свога кретања. Такво заустављено, или „слабо“ време, пошто се не „врти“, има карактер „безвремења“, тј. одређени простор остаје без њега и показује се као „откривен“. Простор са „заустављеним“ временом добија хтонична, онострана обележја, и због тога се на њему активирају хтонична бића (по правилу душе застрањених покојника, које нису отишле на онај свет), која тај простор препознају као „свој“. У исто време, такав простор постаје опасан за кретање и делатност човека. У раду се анализирају границе времена, као што су *подне*, *поноћ*, *крај недеље*, *пун месец*, *крај године*, с позиција активности митолошких бића.

Време, према народним представама, у свом кретању може не покрити део простора, чиме се стварају својеврсне „рупе“ у времену, а тај простор, уколико се човек нађе на њему постаје опасан за њега, јер одатле може „пропасти“ на онај свет, тј. погинути. По тој основи, код словенских народа је створена представа о „злом часу“, који вреба човека. Сматра се такође, да се досуђе-на превремена смрт може избећи, ако се човек не нађе на одређеном простору када завлада „зао час“ (код Словенаца *hud čas*).

Посебна пажња обрађена је на активност митолошких бића у „годишњем времену“, која се подудара с периодичним кретањем душа покојника (*караконцуле*, *свјатки*, *дивја јага*, *баба Перхта*, *тодорци*, *русалке*, *виле*, *јуде*, *вештице* итд.). Такође је указано на три сижее, која се јављају у предању већине словенских народа. Један се тиче случајног ноћног сусрета човека с митолошким бићима, која га кажњавају дуготрајном болешћу, да би га онда те болести ослободила за годину дана на истом месту и у истом времену. Друга два се односе на кажњавање жена и девојака од стране демона, зато што пређу у „опасно“ време.